

Наталья Стикина

Поэт. Родилась в п. Кебаньель Усть-Куломского района Республики Коми. В 1980 году переехала в г. Усинск Республики Коми. Автор пяти сборников поэзии. Стихи переведены на английский, немецкий, армянский, венгерский, японский языки, были изданы во многих коллективных сборниках в России и за рубежом. Публиковалась в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», журналах «Наш современник», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Юность», «Литературные знакомства» и др. Победитель ежегодного Международного конкурса хайку (2017), проводимого в рамках московского фестиваля «Японская весна». Лауреат премии им. А. Ванеева (2021). Лауреат газеты «Российский писатель» в номинации «Новые имена» (2021).

Твоя печаль не тяжелей планеты

Апрель

Откроешь дверь, а там такой расклад:
апрельский день, похожий на декабрьский,
мороз и снег, летящий наугад;
снегирь застыл на ветке принцем датским.

Не привыкать к распятию весны
на крестиках снежинок, льнущих к телу.
Нам снятся замороченные сны,
где белое в зеленом — зелень в белом.

И тенью журавлиной пролетит
надежда по-над домом с красной крышей.
И вот апрельский снеговой визит
становится все мельче, меньше, тише...

Май

Север, ах, север... Летит припозднившийся снег
В мае, десятого (может быть, сдвинулись реки?)
Ляжет снежинок печать на прикрытые веки.
Так пробирается Север под кожу. Навек.
Дом и работа — привычный отрезок на день —
Стылые пункты стабильности внешнего мира.
Ртутное небо стекает по нитям эфира —
В землю, еще не прогретую. Только мигрень
Зимней тоски (запрещенный, но верный прием)
Внутренний мир нестабильности ест без остатка.
Солнце играет по-прежнему с городом в прятки.
Я прячу руки в карманы. Рефренным путем
Мимо проснувшихся улиц иду, как на «вы»,
Слыша, как дворник похмельный цитирует Фета
(От безысходности вспомнив узбекское лето),
Что-то про холод, про сердце, березы, дубы...
И... Улыбнусь. Виновато ль движение рек,
Дворник-старик, мудрый Фет, боль движенья по краю...
Я принимаю тебя, майский снег, понимая, —
Так пробирается Север. Под кожу. Навек.

Печали тем, кто не готов к измене.
Надежда — тем, кто верит в прочность тени.

Июнь

Твоя печаль не тяжелей планеты,
которая все вертится. В доме
шкафы пусты от тряпок и скелетов.
И сад в дыму, предутреннем дыму.

Моя любовь корявее заплаты,
пришитой наспех на цветастый зонт.
Но все крою заплатные квадраты,
и прячу их в комод, пустой комод.

Тошнит от пасторальности сюжета:
дом убран, зонт заштопан, чай допит.

Мы на пороге дремлющего лета.
А сад горит. Пионами горит.

Мелодия гранатового цвета

(из цикла «Армянский блокнот»)

Ты знаешь, как рождает звук дудук,
с пастушьих губ срываясь пред рассветом?
Он льется так, как будто с Божьих рук,
мелодией гранатового цвета.

Окрашен звуком в красное Масис¹,
и верится в неотвратимость утра.
Когда же кроной вздрогнет старый тис,
появится вот-вот ковчег Ксисутра².

И вздрогнут небеса, пуская свет,
взрывая ночь, да так, что гаснут звезды!
И, кажется, сейчас найдешь ответ
на все вопросы мира!.. Только поздно.

Мелодия стихает, и пастух
заткнет дудук за старый, тертый пояс.
Гранатового цвета мягкий звук
всего-то пел, о стаде беспокоясь.

По бесконечности к Литейному

(из цикла «Питерские сны»)

Ты мне сегодня сказала, что явь — это сон,
перебирая сезоны, как старые четки
тонкими пальцами. Ветер взлохмачивал челку
легким касаньем влюбленного. С разных сторон

¹ Армянское название горы Арарат.

² В некоторых армянских версиях мифа о всемирном потопе, ковчег Ксисутра (Ноя) оставался на горе Масис. С вершины Масис Ксисутр спустился на землю.

вслед нам глядели дома, открывая глаза —
окна, и хлопали их занавески-ресницы.
Ты мне сказала, что скоро весенние птицы
будут, сменив оперенье, менять адреса.

«Ближе к Литейному — меньше рассерженных львов», —
ты говорила. Я слушал. И так, век от века,
чтобы остаться, на горках последнего снега
мы рисовали свои лабиринты следов.

Ты говорила, а день наливался свинцом...
Я шел и думал, считая шагов наших петли,
что будет с нами и сумрачным Питером, если
Ангел с Дворцовой вдруг к небу поднимет лицо?